

16+

Роберт Оболенский

Коплята

Роберт Оболенский

Коплята

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66538736

SelfPub; 2022

Аннотация

Они приходят лишь к тем, чье сердце полнится надеждой. Приносят с-счастье, но и цена услуги высока. Что станет с героем, поддастся ли он силам темным? Все тут – в рассказе. И лучше нам не знать ответ.

Роберт Оболенский

Коплята

*Из всех открытых нам дорог, не ведаем,
которой жизнь свою доверим.*

Руперт Эвери (2054-87)

Кутаюсь в тряпье у городской помойки и вспоминаю былое время. То, кажется, был август, светлые дни, хмурые мысли. Жил словами на белом, оплачивал счета черным трудом.

Работал в компании, начинающейся на буквы ОЗ, и всё там было, как в пресловутой сказе о стране ОЗ. Над нами злой колдун, о нём мы только слышим. Чуть ниже ведьмы, вся жизнь их в цифрах, а быт расписан на семь жизней наперёд.

На дне колодца мы – бескрылые мартышки. Мечемся от дела к делу, грузим, трусим и пакуем. Весь смысл наших жизней сокрыт в протяжном звуке сканера: «Би-п, бип». Только в курилке мы себе принадлежим, и место есть для разговоров. Но чаще молчим, сидя на голых лавках под навесом, прячем от ветра лица и жмемся друг к дружке, подобно воронью на ветке. Докурив свободные мгновенья, бросаем бычок в урну и завершаем ритуал плевком.

Жалкое зрелище, стальной колосс весь в саже, вокруг него

огарки да плевки. Последние секунды перерыва, опять молчание, и вновь канонада из бычков, и тихое сопение. Воеет ветер, ревет в ночи сирена, все смотрят на огни у ног. Никто не встает и не тушит, вслушиваются в поступь трусливого льва. Ее сложно с чем-то спутать – особый ритм. Уборщик ходит кругами, шаркает правой, угрюмо склонив гриву к груди. Ждет, когда мы уйдем, и отмечает печатью смерти каждого, кто множит на земле отпущенные грезы, но мы в своих стремлениях едины, и оттого нам всем везет.

«Да, хороший тогда вышел черновик», – успеваю подумать я, когда бродяжка вновь толкает меня в бок и жметса ближе.

– Какой нынче месяц? Октябрь, ноябрь, может, февраль?

Я не помню, знаю лишь, что с незнакомкой у нас на двоих выброшенный кем-то матрац в желтых пятнах и плед, от которого тянет котами. Против воли я жмусь к ней ближе, порыв ветра сбивает с плеча плед, и я вновь вижу покрывающие руки синие струпья. Пытаюсь содрать корку, чешу их и тут же получаю щелчок по носу.

– Плохой кот, – говорит она и натягивает шапку до самых бровей.

«Какой к черту кот?» – мысленно внемлю я, но она вновь жметса ближе, что-то бурчит на своем тарабарском, а я словно от колыбельной – кутаюсь в сон и теряюсь в воспоминаниях.

Да, то был август – последние выходные лета. Придя с ра-

боты, лег спать, к вечеру встал и был готов к встрече с давней подругой. Кажется, она писала роман о немцах, что-то шпионское о тридцатых годах. Встретились в центре, прошлись по Мясницкой, свернули в переулок к Бобровым, а ближе к Кисельным берегам встали на якорь. В кафе взяли по кружке кофе, от десерта она отказалась. Ее усладой были немцы, она так увлеченно рассказывала о своей работе, что нет-нет да переходила на язык войны. К моменту, когда очередь дошла до меня, кофе ее остыл, а язык хоть и вернулся в родное русло, стал куда воинственнее.

– Так нельзя, а тут вообще криво. Нет, так не пишут, – черед замечаний я не видел конца.

Как столько ненависти могло уместиться в ее хрупком теле? Не знаю. В одном уверен, немцам старой школы до нее далеко. Расстались мы в смешанных чувствах, она быстро нырнула в метро, я дошел до Армянского переуллка. Зашел в магазин, плутал по дворам и размышлял о своем мире потопа, которого никогда не было и, надеюсь, никогда и не будет. Тут же вспомнил новую пробу пера – глупый рассказ о сейчас и вновь отхлебнул, силясь забыть острого на язык критика.

«Да, крепко она по тебе прошла», – подумал я, когда в крови было куда больше армянского, чем рекомендует Минздрав.

Идя по улице, вспомнил детство, отца, чья жизнь была подчинена порядку, а звёзды на погонах мерили путь. И

мать, что так стремилась к благу и ровняла каждого под идеал, что от идеала в ее жизни не осталось и следа.

– Да, не знаю, как у них в жизни было, а у меня везде луна, – шепнул я кротко, словно они рядом.

Глянул вдаль, бледное блюдце чуть касалось высоты. Вдали гудит сигнал черного мерил счастья – внедорожник рассек лужи, свернул в скрытый забором двор.

«Что меня ждет? И как я вообще живу?» – попробовал собрать успехи былых лет – похвастать нечем.

Проходит весна, за ней лето. Очередной конкурс – очередной провал. Работы сменяются одна за другой. Что изменилось за все эти годы?

Раньше было скажешь отцу о маленьком народце, что в стенах живет. В ответ взгляд полный сомнений и заключение от незнакомой тетки: «А мальчик у вас, похоже, дурак».

Нынче не лучше, порой хвалят, но чаще ругают. Извечные споры: «Больше жизни, нужен герой, пиши о сейчас». После таких слов всё в доме моем замирает. Где же взять жизнь и в каком роде? Как угодить тем, кто ее отродясь не видал?

И вновь весна, щебечут птицы – всё повторяется вновь и вновь.

В раздумьях прошел по Маросейке – толпы людей на перекрестке и уходящий вдаль трамвай. Каждый мечется в призрачной надежде найти свое счастье, иные красят вечер очередной попыткой, что рядом идет в ногу. Другие греют душу беседой, третьи глушат сознание в ярком экране

стороннего мира, а я достаю блокнот. Гляжу, как светофор окрасил лужу в тревожный желтый, и стоя в лучах фонаря пишу: «Усатый мальчик говорит о формате, другой отошальный советует жить. Говорят, тут всё должно быть иначе. Как мне всем мастерам угодить?»

– Пожалуй, хватит на сегодня закорючек, – закрыв блокнот, говорю себе я, перехожу дорогу, миную не очень чистые пруды и нахожу себя в переулке с гусями.

Тут россыпью стоят посольства, есть место скверу и геркулесовым столпам в конце, что вдоль и поперек усеяны местами для утешения души. К полуночи у меня с десятков одноразовых знакомых: с кем-то беседа, с иными флирт.

Одна сидела за столом напротив, вышли на улицу, уместились на лавке.

Я спросил:

– Завтра свободна?

– Не знаю.

– Давай куда-нибудь сходим.

– Куда?

– Может, в зоопарк.

Молчание в три секунды.

– В зоопарк? – неуверенно переспросила она.

– Да, – и едва заметно улыбаясь, добавляю, – не хочу выделяться на общем фоне.

Она даже не улыбнулась, ушла. Вышел бармен.

– Как прошло?

– Не очень.

– А что так?

Я рассказал, он отреагировал сразу. Расплылся в улыбке, почесал бороду и, заложив руки за фартук, пыхтел со мной, пока дождь не погнал нас к навесу. Докурив, тепло распрощались. Он ушел к своим эликсирам благодущия, а я нашел себя на перекрестке у золотых арок. В правой – булка с мясом, в левой – кофе. Свет играет на мокром асфальте, а черед снующих незнакомцев нет конца.

Как вернулся домой, помню смутно, наверное, шел по звёздам, иначе всю царящую вокруг меня мглу и не описать. Закрыв за собой дверь, сбросил ботинки и тут же в ванную. Смыл остаток дня, да в нём же и остался. Помню, как очнулся в холодной воде под утро. Вскочив, спешно вытер тело и на цыпочках до кровати. Там-то меня и нашел воскресный вечер.

Проснувшись, долго смотрел в потолок, тело ломит, во рту гуляют ветра выжженных солнцем земель.

«Боже, как же плохо», – проносится в голове, пока морщась тянусь к графину с водой и краем глаза замечаю у изножья движение. И в тот же миг что-то холодом обжигает мне пятку. А я бросаюсь прочь с постели, в чём урожден был, наспех одеваю тапок, скачу к двери.

– Стой! – слышу я из-за спины чужой голос и замираю в проеме двери.

В тот же миг одеяло упало с кровати, когти лязгнули по

ламинату. Что-то в глубине меня кричит: «Беги!» Но я послушно стою на месте, слышу, как оно приближается. Чувствую его дыхание из-за спины, набравшись смелости, хочу сорваться, но оно, коснувшись холодной лапой ноги, фыркает и в один прыжок вскакивает мне на плечи. Царапает спину, мостится поудобнее и запускает три перста в волосы на затылке.

– Причесать бы тебя.

– Что? – боясь пошевелиться, спрашиваю я.

– Что-что? Причесать, говорю, – отвечает оно, перебирая сбившиеся в гнездо волосы на затылке, и добавляет, цокая языком, – но это позже.

– Ладно, может, тогда миску молока или пряник?

– Какое молоко, дубина? – спрашивает оно и больно тянет за волосы на виске, медленно взбираясь мне на голову.

– Разве домовым не это оставляют? Или...

– А я не домовый.

– Как скажешь.

– С-счастье, – шепчет оно мне в ухо.

– Это вопрос или утверждение?

– Это будущее.

– Окей.

Хочу кивнуть, но оно царапает меня когтем. Держась за волосы, свисает, цепляет когтем мочку уха и тянет на себя.

– С-счастье, – протяжно шепчет оно, а звук такой, словно по стеклу вилкой водят.

– Да без проблем.

– Хочешь счастья? – а в интонации тихий ропот.

– Хочу.

– Телефон.

– Да хоть все забирай, мне не жалко.

– Телефон возьми, дубина.

– Что?!

– Что-что, дубина? Я заикаюсь, или ты совсем дурак? –

говорит оно так ясно и прямо, словно знает меня всю жизнь.

– И что делать?

– Напиши ей?

– Прямо ей?

– Нет, дубина. Не той, а той – последней, – ответило существо и по-хозяйски уселось мне на голову, так что я видел свисающие лапки. – Зоопарк.

– Домой хочешь? – спросил я и тут же получил острым когтем по голове.

– Вчерашней, – потягивая меня за волоса, качается из стороны в сторону и словно напевает произнесенное. – А-а, той в баре. Да, с-счастье, – прошипело оно и ласково погладило меня когтем по виску, – пиши.

– Что писать?

– Всё что угодно, дубина, – цокнуло оно языком, и готов поклясться, важно подняло лапу, – только не про зоопарк.

– Как дела – спрошу, – сказал я и наклонился к телефону на тумбе.

– Спроси про четверг, на свидание пригласи.

– Да кто в четверг на свидание ходит?

И тут же тычок когтем.

– Будет, – сказало оно и потянуло за волосы на затылке.

Я написал девушке, и она согласилась.

Наутро оставил его дома, пошел на работу, и в тот же день получил премию.

А под конец смены меня вызвали к начальству. Злой колдун оказался дородным мужчиной с крупным лицом. Хлопнув меня по плечу, пригласил к себе в кабинет, сказал, что рассмотрели мои предложения и готовы дать отдел под руководство.

– Отдел?

– Да, – почесав шею, ответил начальник и махнул рукой в сторону доски с презентацией.

Сказал, что мобильное приложение по отслеживанию успеваемости сотрудников, это идея шикарная. Я почесал колено, вспомнил, как месяц назад говорил коллеге:

– Вот нам только приложения по успеваемости не хватает.

Парень посмотрел на меня и, улыбнувшись, пропищал коробку с товаром.

– Нет, ну серьезно, мы же первая линия компании, плоть и кровь ее. Должны жить планом, и каждый наш вздох – это шанс его улучшить. Достичь новых высот в деле, принести пользу. Вот представь, создадим приложение, где успеваемость каждого будет отображаться онлайн, чтобы даже на

выходных ты мог посмотреть, сколько ты выполнил и перевыполнил, а среди ночи тебя могли разбудить напоминаем из серии: «Не забудьте выспаться, вам на смену уже через пять часов».

Коллега мотнул головой со смеху:

– Вот услышит тебя руководство и...

– И вы будете жалеть, что не придушили меня, пока была такая возможность, – сказал я за него, а он лишь ухмыльнулся и пропищал новую коробку.

Я вновь почесался, а начальник сказал, что приступать надо как можно скорее. В ответ я кивнул и залпом проглотил содержимое поданного бокала.

Ехал от Бауманской на автобусе МЗ, глядел в окно и не понимал, что вообще это было. Нет, повышение это хорошо, но что за бред. Я что в какой-то ромкоме? Где герой после быстрой череды коротких кадров пожинает плоды упорного труда?

Нет, бред.

Полный бред.

Задумываюсь, решаю, что мало на что сейчас могу повлиять, и вновь утыкаюсь взглядом в окно.

Светофор сменяет цвет на зелёный, проезжаю площадь Цезаря Куникова, и в голове эхом отражается некогда заученная формулировка: «Цезарь Куников – Герой Советского Союза пал смертью храбрых в боях за свободу и независимость нашего отечества». И тут же про себя добавляю, что

героем я быть не хочу, да и помирать мне рано. «Хотя, может, что ни делается всё к лучшему, – продолжаю мысль, – возьму отдел, спланирую всё. Как – не знаю, но стоит попробовать. Да и деньги наконец-то появятся не только на оплату счетов».

Вспоминаю события воскресного вечера, прикидываю все за и против, останавливаюсь на мысли, что пора завязывать с эликсирами благодущия. Да товарищ, в штопор тебя пока не срывает, но те глюки это звоночек. Притормози, а лучше совсем завяжи. Узлом!

Открыв дверь квартиры, осматриваюсь – вроде никого. Это всё лишь твоя буйная фантазия, как тот сон, где ты в красный мяч с гномами играл. Снимаю обувь, вешаю пиджак и только сейчас осознаю.

Пахнет пирогами и душистой зеленью, а с кухни звучит голос, этот чертов скрипучий голос:

– Полундра, курма, шлах-шлах.

Заглядываю на кухню и вновь вижу его. Стоит на табурете, метр с кепкой в холке, кожа иссиня черная, уши как листья папоротника и ряд синих пятен тянется по спине до кончика хвоста.

– Чего встал, дубина?

– Да только с работы, – не веря глазам, отвечаю я и медленно оседаю у стены.

– Чего телишься? Руки и за стол.

– Поднять?

– Помыть, – отвечает оно, прыгивает с табурета и открывает когтем духовку.

Откуда она у меня не знаю, окидываю взглядом кухню: духовка, мойка, утварь. Все старое на месте, но и нового порядком много, откуда всё это у меня?

– Руки, стол, жум-жум и с-счастье, – разрезая когтем пирог, говорит оно и заводит странную песню. – Раньше было ненастье, похороним во мгле злую ведьму да колдунов, и будет нам счастье. Когда руки омыты, одежда чиста, ты жум-жум и в кровать, сопишь як пила. Ручная, ножная, глазастая и залихватская.

Пение вмиг смолкает, вижу отблеск желтых глаз в отражении окна.

– Что встал, дубина? – спрятав от меня взор, говорит оно и повторяет: – Руки, стол, с-счастье.

– Да, понял я, понял, – смиренно отвечаю.

Помыв руки, сажусь за стол; оно рядом, сидит спиной ко мне и что-то воркует себе будто голубь.

– Ешь, – говорит и, не оборачиваясь, тычет пальцем на тарелку.

Я беру вилку, пробую – вкусно. Слышу во дворе сирену, выглядываю. Два санитары грузят старика с пятого в машину реанимации. Я хочу сказать, задать вопрос и прокомментировать, но оно опережает.

Запрыгнув на спину, царапает когтем и говорит:

– Ешь, дубина, и спать.

– Это, кажется, дед Мишка с пятого.

А оно вновь царапает и повторяет настойчивее:

– Ешь, спать.

– Да погоди ты...

Я хочу встать, но оно сцепляет когти на шее, толкает к тарелке и чувство такое, будто лапа стала больше.

– Ешь, спать! – и тут же смягчившись, добавляет, – с-счастье.

– Да понял я, ем, – а про себя думаю: «Завтра про Мишку спрошу».

Оно загоняет меня спать в полдесятого. Будит в пять и всё талдычит без устали:

– Шлах, курма, полундра, – и склонившись над ухом, – с-счастье.

– Ты совсем уже – в такую рань будить?

Вновь укол когтем, одеяло летит прочь. Оно стаскивает меня на пол, словно и нет во мне веса под центнер.

– Зарядка, грядка.

– Перестань!

Я сопротивляюсь-отмахиваюсь, а оно забирается мне на голову и, стянув на висках волосы, командует:

– Руки-ноги, вверх и вниз, дубина. Два по пять и шесть по сорок.

Позже: я в мыле, сердце бешено бьется, а оно гонит меня в душ, кружит и жалит когтем, прям как сторожевой пес. Я под потоком, а на кухне грохот. Выхожу без сил, на часах шесть, а

на столе завтрак. Сбегаю на работу, как никогда прежде. Так всю неделю, к четвергу я уже не обращаю на него внимания.

Вечером на свидание, всё проходит успешно. Через неделю встречаемся вновь. Еще через неделю оно велит пригласить ее опять, но уже не в четверг, а в пятницу. Я, не задумываясь, приглашаю девушку к себе на ужин, встречаю у такси и только у порога вспоминаю о нём. Она смотрит на меня, а я, пытаюсь не подать виду, копаюсь в кармане.

Она спрашивает:

– Потерял?

– Да как же я ключик от твоего сердца потеряю? – отвечаю я не своим голосом и тут же думаю: «Вот сейчас будет!»

Нащупав ключ, отпираю дверь, ожидая скорый крик и побег. Но открыв, замираю сам, внутри всё так словно и квартира не моя. А от его присутствия и следа нет. Проводим вечер на переоборудованном в веранду балконе, теплый свет ламп, сладкие напевы Чакка Берри фоном, и она рядом. Странно, но кажется, с ней я могу говорить о чём угодно. Возможно ли такое?

Проснувшись, я аккуратно выскользываю из объятий, иду на цыпочках, не желая ее сон потревожить, и не понимаю, в чью квартиру я сам попал. Иду по коридору, словно в музее своих грез. Всё вроде прежнее, но откуда эта латунная лампа и постеры фильмов на стенах. Где я их видел и когда желал купить? Кажется, давно, в другой жизни. То руки не доходили, а чаще средства не позволяли. Опомившись, проверяю

мобильное приложение банка – долгов нет, все кредиты закрыты.

Хочу закурить и тут же вижу табличку на кухне: «Курим в вентиляцию и думаем, как бросить!»

– Откуда она у меня? – спрашиваю себя в голос и понимаю, что речь не только о табличке, но и о самой вытяжке.

«Это всё очень странно, словно весь лист желаний медленно и верно преобразуется в явь без твоего участия», – от размышлений отвлекает сирена с улицы, вновь реанимация и пожилой человек на носилках.

Хочу выглянуть в окно, но из-за спины слышу:

– С-счастье.

Оборачиваюсь, в проходе девушка. Стоит, улыбаясь, и тянется.

– Что? – изумленно спрашиваю я.

– Доброе утро, говорю, – отвечает она и поправляет на плече мою рубашку, которая на ней, как чехольчик с танка.

– И тебе, – отвечаю я и провожаю машину реанимации взглядом.

Проходит месяц, мы с ней пара. А оно исчезло, словно и не было его. Растворилось в счастливых буднях, как наваждение или мираж. Что если и пристало видеть, то только больному скорбью мозгу.

Я всё реже его вспоминаю. Счастье так меня переполняет, я никогда не верил, что так может быть. Встаю с улыбкой,

завтрак на двоих, и вот совсем уже не замечаю тех стариков, носилок и желтых машин скорой у подъезда. Знакомлюсь с ее родителями, а она с моими. На январь у нас уже намечен совместный отпуск в стране пальм и белых лагун.

До отпуска уже совсем ничего, декабрь – новый год на носу, бегаем вместе по магазинам, выбираем подарки.

Минует очередной день в рекламном отделе, возвращаюсь с работы. Здороваюсь с соседом, он едва меня замечает, но пусть. У порога достаю ключи и насвистывая под нос мелодию, верчу ключом так и эдак, но замок никак не хочет поддаваться. «Странно», – думаю я и повторяю попытку раз за разом, но итог один. Пытаюсь достучаться до соседей, эффекта ноль. Спускаюсь вниз и звоню в домофон, в ответ тишина. Звоню друзьям и родителям, но никто не берет трубку. Отчаявшись, снимаю номер в отеле, еду поутру на работу, и на проходной мой пропуск не читает автомат, а охранник говорит, что, мол, не знает меня.

– Да ладно тебе, Михалыч. Мы же уж второй год друг другу глаза мозолим, – говорю я, а он вертит пальцем у виска и скрывается в будке.

«Да что за бред?» – мысленно повторяю себя и еду к родителям, но и там никого.

– Да куда все подевались?!

И так с неделю, курсирую по ранее родным местам. Но меня никто не узнает, крутят пальцем у виска и гонят словно прокаженного. Я всё упорствую, ко второй неделе денег

почти нет. Снимаю койко-место в хостеле, упорствую еще, но пусто. К концу декабря денег не остается вовсе, ночью в подъездах, прохожие уже меня сторонятся, гонят прочь сторожа. Отчаявшись, я в сотый раз возвращаюсь к своему дому и наконец-то вижу себя. Нет, это словно мираж. Это она, рядом я. Грузят вещи в машину отца, на подъезде цветом играют гирлянды. А я, не чувствуя холода, иду к ним, меня словно не замечают. Наконец, обратив внимание, кривятся и гонят прочь, как бродячего пса. Машут руками, кричат: «Не отстанешь, полицию вызовем». Я настаиваю, пытаюсь объяснить, тычу пальцем в себя и кричу: «Это я!»

Они скрываются за стальной дверью подъезда, ярко красной, как и весь скопившийся во мне гнев. Барабаню кулаком в дверь, кричу и вскоре слышу сирену. Бегу через двор, прячусь за контейнером с отбросами и чувствую, как кто-то тянет меня за полу засаленного пальто. Оборачиваюсь, вижу чумазую бродяжку. Почти карлица, лицо в разводах, руки чернющие, изо рта разит. Она тянет меня за собой, показывает свое убежище в стенах помойки.

И вот она, моя реальность...

Она жестом приглашает за контейнер, там лежище: сырой картон в основе, сверху грязный матрас. Усаживает рядом с собой, накидывает на плечи плед и жметяся. Ее трясет от холода, меня от злости. Я прогоняю события минувших дней вновь и вновь, а она жметяся ближе.

И чуть согревшись, спрашивает:

– Давно на улице?

– Я не бездомный.

– Ага, как и я, – отвечает она и, склонив голову, чешет носик.

– Конечно, еще скажи...

– Есть ли с-счастье, – перебила она и полностью завладела моим вниманием.

– Что ты сказала?

– Что ты ранее от него слышал.

– Тоже его видела?

– Даже хуже...

– В смысле?

– У меня остался месяц, а у тебя целый год.

– Что ты несешь? – я отмахнулся и хотел уже встать, когда она придержала меня за руку и распахнула куртку.

Вся кожа синяя и в чёрных пятнах, а ноги маленькие, словно не ее, и видно, как вместо ногтей проросли когти.

– Ровно год, так мне сказала такая же бродяжка, как я. В прошлое Рождество, тогда я и узнала о Коплятах.

– О ком?!

– Их так зовут.

Я обомлел и наконец под слоем грязи на ее лице разглядел синие струпья точь-в-точь как на моих руках.

– Кто они? – придя в себя, тут же спросил я.

– Говорят, проклятие, вернее сказать, те, кто крадут счастье, – кашлянув черной сажой, ответила она. – Я была в тво-

ем положение в прошлом году. Меня спасла такая же, как я, бродяжка, – она шмыгнула носом, ткнула меня пальцем в грудь. – Сказала, есть у тебя год, чтобы снова человеком стать.

– Можно вернуть всё?

– Нет, можно забрать чужое.

– В том смысле, что...

– Нет-нет, взять так, как лишь они способны, – кашлянула в сторону и уточнила. – Коплята крадут твою судьбу и счастье.

Она подседа ближе, ее трясло, но сдерживая приступ кашля, она поведала о существах, что по природе своей схожи с домовыми, но являют собой их полную противоположность.

– Они остатки забытых душ, – сказала она едва слышно и продолжила, – они всегда рядом, но приходят лишь к тем, чьё сердце теплится надеждой. Во сне иль наяву ты должен согласиться – сказать, что хочешь счастья. И вот Копленок на твоём пороге, помогает во всём, как добрая няня тянет тебя за руку к счастью. И вот, когда оно достигнуто, они исчезают, а ты живешь в грезах и уже не замечаешь, как они высасывают всю жизнь вокруг тебя и в один прекрасный день занимают твое место.

– Но как?!

– Ты сам даешь согласие, – она смотрит на меня глазами, в которых промелькнула желтизна белков, видит вопрос, готовый у меня с губ сорваться, и тут же отвечает: – Оно спро-

сило, хочешь ли ты счастья?

Я тут же киваю.

– Вот это и было согласиём твоим.

– Бред какой-то! – я качаю головой.

– А ты что хотел – договор в двух экземплярах и печать?

– Нет, но...

– Тогда послушай. Ходит легенда, что можно от вопроса отказаться. Надо лишь потерпеть и взглянуть Копленку прямо в глаза.

– И что тогда?

– Испугается и убежит. Ведь против твоей воли он не в силах решать – за тебя. Скроется восвояси, а ты останешься со своей судьбой и грядущим счастьем.

– Значит, подкараулю его и...

– Поздно.

– Но?

– Уже поздно.

– И что мне делать?

– Подыскивать чужое счастье, если готов на такой шаг пойти, – горько ухмыльнулась она и посмотрела на утопающий под снегопадом двор.

– Значит год?

– Да, у тебя есть год до следующего Рождества или навечно в этом малом синем теле.

– Ясно.

– И что решил?

– Буду как-то с этим жить, – сказал я и, поникнув, добавил, – не жизнь же мне чужую забирать.

Услышав ответ, она кивнула. Выдержала паузу и стала шептать на ухо всё, что о Коплятах знала. Как им помешать творить зло, как спасти тех, кто полон надежды, но может ее потерять. А я кивал да смотрел на теряющийся в снегопаде двор, внимательно слушал ее рассказ, подобрав под себя ноги, и наблюдал.

На деревьях разноцветные огни, дети румяные в снежки играют, и кто-то тащит за собой к подъезду ель. Я смотрю выше, на третьем этаже в окне фигура. Там в тусклом свете молодой парень держит бокал в руке, смотрит во двор и прямо в комнате дымит. Я чувствую, нет, вижу тянущийся из его груди свет.

Она шепчет мне под ухо: «Ему вот и поможешь».

А я в ответ киваю, говорю:

– Всё так.

И точно в душе знаю того, кто станет моей жертвой.